

А.А. Русов

**Русские тракты в конце XVII
и начале XVIII веков и
некоторые данные о Днепре
из атласа конца прошлого
столетия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.А. Русов**
Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные
о Днепре из атласа конца прошлого столетия / А.А. Русов – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 107 с.

ISBN 978-5-4241-9153-4

ISBN 978-5-4241-9153-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

онимъ ѣзживали, а заподлинно-ль такъ,—несвидѣтельствовано») и касаются чужихъ странъ. Такъ въ 4-мъ трактѣ описывается дорога «до Царя-Града черезъ Астрахань водою и сухимъ путемъ»; эта дорога идетъ черезъ Малатъ, Діарбекиръ, Мердынь, Мосуль, Богдаты и т. п. и въ ней разстояніе исчисляется днями (55 дней до Царя-Града). 5-й трактъ говоритъ о сухопутной дорогѣ изъ Царя-Града въ Іерусалимъ черезъ Токатъ, Суватъ, Малатъ, Халенъ, и Дамаскъ или Шамъ; 6-й трактъ— о морскомъ пути между тѣми же городами мимо Родоса и черезъ Попплю (Топпе); онъ переполненъ разказами о Троядѣ, воспоминаніями случаевъ изъ Священной исторіи и заключается подробнымъ описаніемъ святыхъ мѣстъ — Іерусалима, Вилеема Назарета, что занимаетъ большую часть книги (стр. 30—65; во всей книгѣ ихъ 87). Въ 7-мъ трактѣ описывается сухой путь изъ Царя-Града въ Багдадъ, а въ 8-мъ водной изъ Царя-Града черезъ «Бѣлое море» въ Венецію, а оттуда въ Акру; послѣдній занимаетъ всего двѣ странички.

Затѣмъ слѣдуютъ еще два, болѣе интересные для насъ трактаты—9-й и 10-й: изъ Кіева въ Государство Польское, т. е. въ Варшаву и оттуда обратно въ Смоленскъ, и другой «изъ Малороссійскихъ городовъ отъ Сумъ до Перекапи и до Крыму Муравскимъ шляхомъ». Первый состоитъ изъ голого перечня именъ и цифръ милей; а во второмъ разсказывается довольно подробно маршрутъ столичнаго Московскаго Государства Василя Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, которые, какъ извѣстно, ѣздили въ Крымъ съ Малороссійскимъ писаремъ Семеномъ Раковичемъ въ 1680 г. для заключенія Балчисарайскаго перемирія.

Таково содержаніе рукописи. Для русской исторической Географіи интересны, какъ видно тотчасъ, первые три и два послѣдніе изъ всѣхъ 10 трактатовъ, помѣщенныхъ въ ней; ихъ мы и предлагаемъ къ напечатанію: Время написанія важнаго изъ нихъ, какъ мы уже замѣтили,—разное, что очень важно, такъ какъ тѣ 20—30 лѣтъ, которыя составляютъ разницу во времени написанія разныхъ трактатовъ, принесли много перемѣнъ въ судьбахъ мѣстностей, описанныхъ въ нихъ. Самое точное указаніе

времени написанія есть въ 5-мъ трактѣ, гдѣ говорится: «и свѣдомые заподлинно связываютъ не тѣхъ, которые были прошлаго 1713 году во Иерусалимѣ, Армяне и Греки и Греческие монахи и свидѣтельствуютъ о томъ (что нужно на проѣздъ изъ Царь-Града въ Иерусалимъ цѣлый мѣсяць) заподлинно: не киевскихъ монастырей иеромонахъ Варлаама, которой по обѣщанію своему для моленія в прошломъ 1712 году ѣздилъ во Иерусалимъ и по разрывѣ от Турковъ в томъ же году учиненнаго мира, какъ объявлена была з Государствомъ Всероссійскимъ война, и по возвращеніи ево изъ Ерусалима одержанъ он в Кипрѣ и освобожденъ оттуду въ нынѣшнемъ 1714 году по домоганию Царскаго Величества полномочныхъ пословъ, и по приѣзде своемъ объявилъ, что ѣхалъ онъ с прочими до Иерусалима тѣмъ же путемъ».

Менѣе точныя указанія на время написанія находятся въ относящихся до Русскихъ мѣстностей трактахъ. *Первый Трактъ* написанъ *позже 1714 года*, такъ какъ въ немъ упоминается этотъ годъ, какъ прошедшій, и такъ какъ дворца Карла XII подъ Варнецею во время его написанія уже почти не существовало; *второй трактъ*, если можно только судить по тону первыхъ строкъ, вѣроятно составленъ былъ нѣсколько раньше, а потому измѣненъ (что касается текста) составителемъ описанія перваго тракта. Очень можетъ быть, что онъ составленъ во время похода Шереметева въ 1711, такъ какъ направленіе его совпадаетъ съ именами городовъ, по которымъ шелъ Шереметевъ со своимъ войскомъ. Оттого, начиная съ Немирова, рассказъ имѣетъ уже совершенно опредѣленный тонъ; впрочемъ можетъ быть и то, что оба эти тракта написаны одновременно, судя по отрывочнымъ замѣткамъ о томъ и другомъ. Тогда дата ихъ будетъ 1715 годъ или еще болѣе поздній.

Что касается 3-го тракта, то и про него можно только сказать, что онъ былъ составленъ *послѣ 1699 года*, такъ какъ въ этомъ году первый разъ былъ испробованъ этотъ путь черезъ Черное море на новосозданныхъ въ Воронежѣ и Азовѣ русскихъ корабляхъ, наследникахъ запорожскихъ и крымскихъ галеръ. Въ апрѣлѣ этого года, какъ видно изъ Исторіи Соловьева, со-

вѣтники Емельянъ Украинцевъ и Чередеевъ отправились изъ Воронежа водою мимо городовъ Костенска, Урыва, Коротояка, юртъ, вотчинъ и казачьихъ городковъ, которыхъ до Черкасса они насчитали до 50. Проѣхавъ Черкасскъ, отправились они на Азовъ и Таганрогъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ голландецъ Петръ Фонъ-Памбургъ на 48—пушечной «Крѣпости». Отсюда на 9 корабляхъ, 2 галерахъ, 1 яхтѣ, 2 галиотахъ и 3 бригантинахъ отправились они черезъ Азовское море въ Керчь, гдѣ Керченскій паша встрѣтилъ ихъ крайне недоброжелательно и хотѣлъ было не пустить въ море, этотъ «внутренній домъ» тогдашней Турціи; узнавъ, что цѣлью ихъ поѣздки въ Константинополь было требованіе отъ Турціи уничтожить свои поддѣпрскіе городки, а русскіе востели у Азова оставить нетронутыми, онъ сталъ дѣлать имъ всякія придирки и, доказывая необычайность такого проѣзда, совѣтовалъ посольству ѣхать сухимъ путемъ черезъ Крымъ и Буджакъ. Но Украинцевъ переспорилъ, и 28 августа 1699 г. въ Черномъ морѣ въ первый разъ появилась русская флотилія, пришедшая въ Константинополь 2-го сентября того же года. Ошибка въ нашей рукописи, отнесшей эту поѣздку къ 1700 году, объясняется очень просто тѣмъ, что въ этотъ годъ произошла реформа лѣтосчисления и назначенъ былъ январь за первый мѣсяць въ году вмѣсто стараго сентября.

Что касается хронологической даты *9-го тракта*, въ которомъ въ началѣ сказано, что станціи, въ немъ упоминаемыя, учреждены были въ 7206-мъ, т. е. 1697 или 1698 году, то тутъ очевидно вкралась ошибка, такъ какъ далѣе въ этомъ же трактѣ говорится, что мѣстами между Казиміромъ, Люблиномъ и Варшавою ходили войска Царскаго Величества: въ 1697 и 1698 годахъ этого быть не могло, такъ какъ въ эти два года путешествія цари за границую не было еще никакихъ «войскъ». Въ мартѣ 1697 царь съ посольствомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы въ Голландію и Англію; въ половинѣ 1698 г. онъ былъ въ Вѣнѣ, и хотя на возвратномъ пути въ Москву и пробылъ три дня въ Равѣ (въ Галиціи), гдѣ познакомился съ Августомъ, но извѣстно, что путь этотъ совершалъ онъ безъ войскъ и безъ

министровъ. Въ сентябрѣ 1698 г. начались уже въ Москвѣ пытки и казни надъ стрѣльцами, постриженіе женщинъ царской фамиліи въ монахини, расправы царя съ Донскими бунтовщиками и другія домашнія занятія Петра, послѣ которыхъ въ октябрѣ того-же года онъ уѣхалъ въ Воронежъ. Мѣста для пребыванія Петра съ войсками въ Галиціи и Польшѣ такимъ образомъ въ эти два года не будутъ.

Если же предположить, что въ рукописи около цифры 303 пропущена палочка, обозначающая 10, тогда мы получимъ другой, болѣе подходящий къ содержанию ея годъ, — 3031 = 7216, или 1708. Во время войнъ съ Карломъ въ началѣ 1707 года Петръ дѣйствительно былъ въ Жолквѣ съ Меншиковымъ, Шереметевымъ и Григоріемъ Долгорукимъ; прибылъ онъ туда, какъ самъ говорилъ «дабы оставшую безъ главы Рѣчь Посполитую, (отъ которой тогда отказался Августъ) удержать при себѣ». Онъ хлопоталъ тогда о Кандидатурѣ на польскій престолъ Якуба Собѣскаго и даже седмиградскаго князя Рагоци и договаривался съ польскимъ правительствомъ относительно денежныхъ условій войны противъ Шведовъ. Меншиковъ, перезимовавъ въ этомъ году въ Жолквѣ, лѣтомъ долженъ былъ двинуться на Сѣверъ, такъ какъ со 2-й половины 1707 года открыты были уже военныя дѣйствія со стороны Шведовъ подъ Гродно, послѣ чего войска русскія перешли въ мѣстности Смоленской губерніи. Во время этихъ походовъ, вѣроятно, и были составлены замѣтки, послужившія матеріаломъ для 9-го тракта. Выраженіе, что въ Польской землѣ «были учинены почтовые станы» вполне соответствуетъ воззрѣнію Петра въ это время на Польскія земли уже почти какъ на свои, а не чужія, тогда какъ въ 1697 году оно не имѣло бы еще никакого смысла. Такимъ образомъ 9-й трактъ написанъ послѣ 1707 и 1708 годовъ, вѣроятно, въ годъ полтавской побѣды, такъ какъ 1708 3031 названъ въ немъ прошлымъ.

Время написанія 10-го тракта определено лучше всего, тѣмъ болѣе, что ясно указанъ источникъ, которымъ пользовался составитель. Это были путевыя замѣтки стольника Василія Тяпкина и его товарищей, ѣздившихъ въ Крымъ въ концѣ 1680 года

для заключенія перемирія на 20 лѣтъ и установленія границъ между турецкими и русскими владѣніями. Посольству было названо предлагать пограничными рѣками—Рось, Тясьмицъ и Ингуль; но не смотря на то, что они пускались на подкупъ, предлагая хану 10,000 червонцевъ, а всѣмъ ближнимъ людямъ по 3,000, имъ не удалось переспорить Крымцевъ: границею по прелиминарнымъ условіямъ перемирія, заключеннаго ими въ Крыму 3-го января 1681 года, остался Днѣпръ, хотя и было поставлено въ условіе, что султанъ не будетъ строить новыхъ городовъ и исправлять разрушенныя на пространствѣ между Бугомъ и Днѣпромъ. Крымцы безъ всякой церемоніи обходились съ посольствомъ въ своихъ переговорахъ и при написаніи условій. Такъ напр., договорившись написать, что Запорожье и его земли отходятъ въ сторону Царскаго Величества и что султанъ и ханъ не будутъ перекликать казаковъ подъ свою державу, при чемъ русскимъ предоставятъ свободное плаваніе по Днѣпру—они не внесли ничего этого въ шертную грамоту. Протесты русскихъ пословъ ни къ чему не повели, такъ же точно какъ ничего не достигъ по дѣлу о Запорожьи и дьякъ Возницынъ, въ слѣдующемъ году ѣздившій въ Константинополь; требовательность русскихъ пословъ только ухудшала ихъ обстановку, о которой Крымцы вовсе не заботились и которая и безъ того не была очень заманчива: «Воистину объявляемъ, писалъ Тяпкинъ, что псамъ и свиньямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ Царскаго Величества; а лошадямъ не только никакихъ конюшенъ нѣтъ, и привязать не за что; кормовъ намъ и лошадямъ ничего не давали, а гунить съ великою нуждою хлѣба и ячменя и соломы добывали, и то самую высокою цѣною»¹⁾. Такъ было при самомъ пріѣздѣ Тяпкина въ Крымъ; такъ же, а можетъ быть еще и хуже, приходилось посламъ русскимъ во все время пребыванія ихъ въ Крыму въ зиму съ 1680 на 1681 годъ. Назадъ выѣхали они оттуда только въ мартъ мѣсяцъ.

¹⁾ Соловьевъ, XIII, 286.

Не смотря на неудачу ихъ въ переговорахъ относительно установленія границъ, при возвращеніи ихъ домой, они вездѣ встрѣчены были съ распростертыми объятіями. Въ Москвѣ рады были, что хоть на какихъ нибудь условіяхъ отдѣлались отъ долгой войны и отъ пустошей Заднѣпровья, возбуждавшихъ пререканія; на запорожьи и въ Малороссіи, по которымъ ѣхали они назадъ, встрѣчали ихъ тоже съ радостью; можетъ быть и потому, что все осталось по старому. Во всѣхъ городахъ, по которымъ они ѣхали, сотники, полковники и есаулы выходили имъ на встрѣчу съ процессіями, а священники кропили св. водою ихъ путь; въ Батуринѣ, куда они прибыли наконецъ, гетманъ Иванъ Самойловичъ задалъ имъ пиръ.

По формѣ изложенія 10-й трактъ, въ которомъ разсказывается объ этомъ путешествіи пословъ, больше похожъ на 1-й и 2-й тракты, представляя хоть нѣкоторыя географическія подробности относительно описываемыхъ мѣстностей, тогда какъ въ 9-мъ трактѣ черезъ польскія земли мы находимъ одни голыя имена и цифры.

Такимъ образомъ всѣ тракты, вмѣстѣ сплетенные въ одну книгу, представляютъ какъ-бы одинъ географическій сборникъ, тѣмъ болѣе интересный, что въ немъ говорится о земляхъ тогдашняго русскаго государства и о другихъ, представлявшихъ для этого государства интересъ съ точки зрѣнія политической. Поэтому прежде чѣмъ перейти къ географическому содержанію предлагаемой рукописи, мы считаемъ не лишнимъ припомнить политическія границы странъ, обнимающихъ упоминаемыя въ ней мѣстности въ то время. Время это (1680—1715) составляетъ именно тотъ періодъ изъ исторіи земель Россійской имперіи, когда старое Московское государство начало периферическое стремленіе, приведшее его къ нынѣшнимъ политическимъ границамъ. Рядомъ съ этими политическими явленіями происходили измѣненія и въ сферѣ умственной жизни, доказывавшія несостоятельность для новаго государства старой монашеской и схоластической науки. Сознаніе потребности реальныхъ знаній, расширенія торговли для улучшенія экономическаго быта страны вели

правительство русское къ необходимости географическихъ и топографическихъ изслѣдованій. Старая книга «Большому чертежу» давала уже недостаточное количество географическихъ свѣдѣній для новыхъ плановъ правительства. Нужны были книги съ извѣстіями о новыхъ пріобрѣтенныхъ странахъ и о дорогахъ въ нихъ. Рукопись, разсматриваемая, какъ-разъ могла удовлетворить такимъ потребностямъ.

Съ одной стороны сношенія съ Крымомъ и Турціею послѣ путешествія Тяпкина «съ товарищи» получаютъ теперь другой, болѣе настойчивый характеръ, и имѣютъ цѣлю—вернуть отъ Турокъ старое «Русское» море. Это совершенно ясно понимали Турки, которымъ очень не нравился Донской и Азовскій Флотъ Петра; они не на шутку задумывались надъ планомъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и построить на берегахъ этого «внутренняго» своего моря рядъ крѣпостей, чтобъ не пустить туда русскихъ, ибо, какъ отвѣчено было Голицыну, въ 1701 году—«султанъ смотрѣлъ на Черное море, какъ на свой внутренній домъ, куда никакъ нельзя пускать чужеземца». Турки никакъ не хотѣли допустить свободнаго плаванія русскихъ кораблей по Черному морю; но сила возникавшаго русскаго государства взяла свое, и дальнѣйшая исторія XVIII столѣтія показала, что въ стремленіи отнять у нихъ Черное море политика Петра была вовсе не эфемерна, а сообразалась съ естественнымъ ходомъ политическихъ дѣлъ. Пробираясь въ Турцію черезъ море, Русское государство искало туда и сухого пути, чтобъ съ усиленіемъ дипломатическихъ сношеній увеличить и вліяніе свое на шаткую политику Турокъ. Въ ноябрѣ 1701 года въ первый разъ назначенъ былъ постояннымъ посломъ въ Порту Петръ Андреевичъ Толстой, и тотчасъ ему дано было порученіе вести переговоры объ учрежденіи почты изъ Кіева въ Царь-Градъ. Совершенно естественно поэтому рядомъ съ десятымъ и третьимъ тракатами нашей рукописи (черезъ Черное море) являются еще и первый и второй (т. е. сухопутные черезъ Молдавію). Написанные послѣ Полтавской побѣды, они имѣли еще большее практическое значеніе, чѣмъ изслѣдованія путей на Востоку,

танъ какъ эта побѣда окончательно указала путь новому государству на Западъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи Кіевъ съ его округомъ, оно больше всего дорожило этимъ пунктомъ, видя въ немъ такое же почти окно въ Европу, какъ и въ новооснованномъ Петербургѣ; изъ Кіева могъ пройти прямой путь старыми культивированными странами въ Константинополь, Вѣну и Варшаву, съ которыми сношенія увеличивались съ каждымъ годомъ. Въ послѣднюю изъ тогдашняго Московскаго государства могъ быть еще другой путь изъ Смоленска, и мы его находимъ въ девятомъ трактѣ.

Такимъ образомъ наша рукопись, не смотря на видимую отрывочность своего содержанія, представляетъ полную картину тѣхъ главныхъ дорогъ изъ Московскаго государства на Югъ и на Западъ, которые были интересны для него въ стратегическомъ и политическомъ смыслѣ. Дороги изъ Кіева и Смоленска необходимо должны были явиться съ того времени, какъ старыя границы Россіи 1645 года (по линіи, проходящей черезъ Торъпець, Ржевъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Рыльскъ, Путивль и Бѣлгородъ) во второй половинѣ XVII вѣка придвинулись къ Днѣпру и почти къ Двинѣ присоединеніемъ Смоленскихъ, Сѣверскихъ земель и земель Малой Россіи съ округомъ города Кіева. Рукопись писана при Петрѣ, и въ ней, если исключить ветхозавѣтныя темы древней русской географической литературы путешествій (въ путяхъ на Іерусалимъ), вездѣ чувствуется новое практическое направленіе, какое характеризуетъ Полтавскаго побѣдителя людей, дѣйствовавшихъ по его указаніямъ. Планъ составленія книги, подобной нашей, въ которой собраны были бы свѣдѣнія о дорогахъ въ Крымъ, въ Турцію и Польшу, могъ явиться только въ головѣ новыхъ людей Московскаго государства, — сотрудниковъ царя, давшаго своимъ наслѣдникамъ планъ завоевательной политики, приводившійся ими въ исполненіе въ теченіе всего XVIII столѣтія, когда были присоединены къ Россіи всѣ земли до Вислы и Чернаго и Балтійскаго морей. Тоже сказать нужно и относительно ея слога и языка. Писана она уже не на славянскомъ діалектѣ, а на томъ русскомъ, который

заведенъ былъ по иниціативѣ Петра для книгъ съ практическимъ содержаніемъ. Производя свои реформы въ школахъ и наукахъ и низводя послѣднюю изъ заоблачныхъ высотъ въ сферы, гдѣ удовлетворялись житейскія потребности, онъ и тутъ произвелъ реформу. Учреждая профессіональныя школы (въ родѣ подъяческихъ, медицинскихъ, навигаціонныхъ) и, утверждая что наука должна служить государству, а не церкви, отъ науки онъ и формы требовалъ ясной, простой, краткой—«безъ сладости рѣчи и празднои красоты». Если эти требованія соблюдались въ переводахъ разныхъ книгъ историческаго, географическаго содержанія, сдѣланныхъ по приказанію Петра, то они же дали извѣстнаго рода сухость и безцвѣтность формы изложенія и самостоятельнымъ запискамъ русскихъ путешественниковъ того времени. Таковы были, напр., записки Шереметева, путешествовавшего въ 1697—99 годахъ по средней и Южной Европѣ черезъ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь; таковы же Записки Петра Андреевича Толстого, бывшего около того времени въ Италіи. Такова и наша рукопись, представляющая перечень именъ мѣстъ, (рѣдко лицъ) и дѣлающая иногда политическія и стратегическія соображенія чисто практическаго свойства. Не имѣя поэтому никакого литературнаго или историческаго значенія, она можетъ предложить только нѣкоторыя данныя для географіи своего времени.

Относясь къ концу XVII и началу XVIII стол., рукопись наша застаетъ мѣстности, о которыхъ говорить, какъ легко можно увидѣть изъ прилагаемой карты, подъ властью трехъ главныхъ государствъ, среди которыхъ находился, неопредѣлившій своей роли, зародышъ государства—въ земляхъ войска Запорожскаго. Для большей легкости при чтеніи ея считаемъ не лишнимъ припомнить главнѣйшія данныя изъ современной ей политической географіи. Западная граница *Россіи*, или «земель царя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи», унаслѣдованная Петромъ отъ его предшественниковъ и подтвержденная потомъ нѣсколько разъ договорами, шла отъ Чудскаго озера къ Азову по слѣдующимъ мѣстамъ: по западнымъ границамъ нынѣшнихъ Псковской, Смо-

ленской, Черниговской губерній и рѣкою Днѣпромъ до устья Ирпени; затѣмъ переходила черезъ Днѣпръ, шла по р. Ирпени и притоку ея Унавѣ до нынѣшней Мотовиловки; далѣе шла по р. Стугнѣ и ниже мѣстечка Стаекъ подходила опять къ Днѣпру; Днѣпромъ доходила она далѣе до устья Орели; потомъ шла сухопутная граница между Орелью и Самарою (окончательно утвержденная въ 1711 году), подходившая почти къ Изюму, откуда спускалась къ Азовскому морю между рр. Донцомъ и Калмиусомъ. Всѣ земли на Востокъ отъ этой черты, кромѣ Малорусси (т. е. нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерній) и новопріобрѣтенныхъ земель Донскихъ казаковъ, управлялись сначала воеводами при посредствѣ указовъ царскихъ, а съ 1708 года новозаведенными губернаторами, генераль-губернаторами и вице-губернаторами ¹⁾. Государство, это состояло, какъ гласилъ титулъ Алексѣя Михайловича,—изъ государства Московскаго, Великаго Новгорода, царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, государства Псковскаго и княжествъ Смоленскаго и Полоцкаго. Большихъ городовъ, т. е. имѣвшихъ свыше 2,000 дворовъ въ себѣ, на пространствѣ, представленномъ въ нашей картѣ, насчитывалось не болѣе 5; это были: Москва, Новгородъ, Ярославль, Нижній, Казань. Остальные города, и древніе и болѣе новые, какъ показала перепись даже гораздо позже (1720),

---

¹⁾ Управленіе, о которомъ пишетъ Котошихинъ въ своей книгѣ «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» было измѣнено раздѣленіемъ Россіи въ 1708 на слѣдующія 8 губерній: Московскую, Петербургскую, Смоленскую, Кіевскую, Азовскую, Казанскую, Архангельскую и Сибирскую. Всѣ эти губерніи давали въ 1710 г. государству нѣсколько болѣе 3 миліоновъ рублей дохода и подраздѣлялись еще на провинціи, управлявшіяся воеводами. Въ Малой Россіи рядомъ съ новыми воеводами удерживалась еще и старая власть гетмановъ, (жившихъ въ Батуринѣ и Глуховѣ), которыми въ этотъ періодъ времени были: Самойловичъ, Мазепа и Скоропадскій. Въ административномъ отношеніи она дѣлилась на полки и сотни. Полковъ было 10: Стародубскій, Черниговскій, Нѣжинскій, Кіевскій, Прилуцкій, Переяславскій, Лубенскій, Гадяцкій, Миргородскій и Полтавскій. Эта страна, обязавшаяся содержать на царскомъ жалованьи 60,000 войска, при Алексѣе Мих., и позже, не давала никакого дохода Общерусскому государству, пока не стала губернаторствомъ.